

Распространенным явлением стала общественная помощь семьям призванных воинов в проведении сельскохозяйственных работ, которую оказывали сами крестьяне, учащаяся молодежь, органы местного самоуправления. В 1917 г. на Урале стали практиковаться торжественные проводы на фронт революционных маршевых рот местных гарнизонов, ставшие впоследствии одной из традиций советской военной истории.

О.А.Васьковский
А.В.Иванов
Екатеринбург

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ НА УРАЛЕ

Октябрьская революция, как известно, решала главным образом задачи буржуазно-демократических преобразований. На Урале эти задачи стояли особенно остро, поскольку здесь сильнее, чем в каком-либо другом регионе страны, ощущалось тормозящее влияние феодально-крепостнических пережитков в экономике и социальных отношениях. Демократические реформы советской власти были поддержаны абсолютным большинством народа. Однако попытки правящей партии большевиков повернуть страну на путь социалистической революции под знаком ликвидации частной собственности на орудия и средства производства вызвали резкое изменение в расстановке классовых сил и в конечном итоге привели к гражданской войне.

Экспроприаторскую политику большевиков не поддержали широкие массы трудящихся, не пожелавшие отказаться от естественного права распоряжаться результатами своего труда. Враждебную позицию по отношению к советской власти заняло крестьянство. Уральские крестьяне, в основном не знавшие помещичьей эксплуатации, не получили от революции непосредственно материальных выгод и отнеслись к ней пассивно. Но введение продовольственной диктатуры с целью насильственного изъятия хлебных излишков вынудило их выступить против советской власти. Антисоветские настроения были особенно сильны в среде казачества, которое не приняло не только продовольственную, но и аграрную политику большевиков. Отрицательную роль сыграла политика нейтрализации середняков, которая фактически поставила их на одну доску с деревенской буржуазией в процессе изъятия хлебных излишков. Курс на развитие социалистической революции в деревне был бесперспективен, поскольку крестьянская беднота не являлась произ-

водительным классом и не могла, следовательно, стать созидательным союзником пролетариата.

Экспроприаторская политика советской власти, которая ознаменовала переход к так называемой социалистической революции, не могла найти безусловной поддержки и среди главной социальной опоры большевизма – рабочего класса. Хорошо известно, что особенность уральского пролетариата заключалась в его связи с поземельными отношениями. Это приравнивало его к крестьянству, делало заинтересованным именно в демократических преобразованиях. Но собственностью потомственных рабочих были не только земельные наделы. Работавшие на казенных заводах квалифицированные специалисты получали высокую заработную плату и отличались сравнительно высоким уровнем жизни. Им глубоко чуждой была социалистическая программа большевиков. И не случайно наиболее мощное анти-советское движение зародилось в самом крупном на Урале Ижевско-Воткинском промышленном районе. Рабочие выражали недовольство не только покушением на их собственность, заработанную личным трудом, но и бессилием советских властей предотвратить дальнейшее углубление хозяйственной разрухи. Это недовольство выразилось, в частности, в беспорядках на почве нехватки продовольствия, которые произошли на многих уральских заводах весной и летом 1918 г. Союзниками советской власти были так называемые “чистые” пролетарии, как прибывшие на Урал в годы империалистической войны из центральных промышленных районов, так и местные. Именно они отличались идейной преданностью делу социалистической революции и готовы были встать на ее защиту.

Составной частью контрреволюции на Урале стало на первых порах национальное движение. Национальные районы, отличавшиеся низким уровнем социально-экономического и духовного развития, в еще меньшей степени были готовы к социалистическим преобразованиям. Здесь особенно насущной являлась проблема ликвидации феодальных и даже патриархальных отношений, подготовки условий для буржуазно-демократического обновления наций. Эта проблема носила всеобщий характер и решалась силами всей нации под руководством национальной буржуазии. Лозунг достижения государственной автономии был здесь несравненно популярнее призывов к установлению диктатуры пролетариата. А попытки местных властей административными мерами “вводить” социализм и всячески оттягивать предоставление нерусским народам автономии приводили к тому, что национальное движение превращалось в опору контрреволюции.

Соотношение основных классовых сил определяло и роль ответствующих политических партий. Потенциальные союзники

большевиков на буржуазно-демократическом этапе революции – меньшевики и эсеры – оказались в результате октябрьского переворота оттесненными от власти. А они сохранили очень сильное влияние в Советах и других общественных организациях на Урале. Негативная политика в отношении правых социалистов существенно суживала социальную базу революции и, наоборот, укрепляла позиции буржуазии в массах. Особенно недальновидным был разрыв большевиков с левыми эсерами, в результате чего первые лишились важнейшего средства политического влияния на деревню. Изгнанные из советских органов, правые социалисты начали борьбу против большевистской диктатуры, организовав и возглавив так называемую “демократическую” контрреволюцию.

Был еще один привходящий момент, который способствовал развязыванию гражданской войны на Урале. Это наличие частей чехословацкого корпуса. Чехословаки не только представляли собой серьезную военную силу, какой не было у большевиков, но и явились организующим ядром внутренней контрреволюции. Под их эгидой формировалась и действовала белая Народная армия, создавались антибольшевистские правительства на территории, где была свергнута советская власть. Официальная программа этих правительств в гораздо большей степени соответствовала интересам массы мелких собственников, нежели социалистическая политика большевиков. А военная поддержка со стороны чехословаков, которые также в большинстве своем исповедовали принципы народовластия, делала движение “демократической” контрреволюции достаточно серьезной силой.

Таково было соотношение классовых и политических сил на Урале, вызванное экспроприаторской политикой большевиков, способствовавшей развязыванию гражданской войны на Урале. Следует подчеркнуть, что дело здесь не только в политических просчетах правящей партии. Курс на социалистические преобразования, на ликвидацию частной собственности был продиктован не столько программными установками большевиков, сколько объективными обстоятельствами. В условиях тягчайшей хозяйственной разрухи и угрозы массового голода не было другого способа сохранить диктатуру пролетариата, кроме как передав в ее распоряжение все производство и распределение продуктов. Но вина большевиков заключалась в том, что они не учли, в какой мере это можно было сделать в мелкокрестьянской стране.